

«Я родом из детства» - так называется выставка, открывшаяся недавно в музей-мастерской заслуженного художника России Станислава Косенкова. Название, может быть, не самое «свежее» и оригинальное, но куда как точное для понимания судьбы и жизни этого художника.

«Мир в ощущении расколота...»

Он родился в октябре 1941 года. Его отец, Степан Егорович Косенков, пропал без вести за три месяца до рождения сына. В одном из последних писем с фронта он написал молодой и бесконечно любимой жене: «Как бы мне хотелось увидеть свое наследство...». Не довелось. Отец никогда не увидел сына. Сын - отца. Детство улыбнулось мальчику лишь краешком губ. Так стоит ли удивляться, что тоска ребенка, который знал отца только по рассказам близких, видел его только на фотографиях, рефреном проходит через все творчество С.С.Косенкова.

Нельзя не согласиться с Мариной Цветаевой, утверждавшей в очерке о художнице Наталье Гончаровой, что ключ для понимания любой личности надо искать в детских годах этого человека, если можно - в младенчестве - там его корни. Именно ранние годы человека (тем более поэта, художника, музыканта...) считала она временем формирования внутреннего мира. Глубинный нерв произведений С.С.Косенкова (осмысление прожитого и пережитого) тоже там - в его детстве. И даже чуть раньше. Неслучайно многие его выставки открывают работы из неоконченной серии цветных автолитографий «Житие не одной бабы», созданные графиком в конце жизни, но являющиеся тем своеобразным ключом, который и открывает истоки и стержень его судьбы и творчества. Но, кроме того - это еще и обобщенный рассказ обо всех женщинах России, державших тыл, а также и конкретное повествование о жизни и судьбе собственной матери. «Спаси и сохрани» - назвал одну из работ этой серии Станислав Степанович, избрав на фоне оврагов, поросших жесткой осенней травой, молодую беременную крестьянку, прижимающую к груди икону Владимирской Божией Матери: «Спаси и сохрани, Мать Божия, дитя мое будущее и мужа, ушедшего на фронт». Муж не вернулся. Но родился сын. Родился, будто на пути к нему. Октябрьским утром в крестьянской телеге, на запряженной беженцами и отступающими войсками дороге. Родился и сумел запомнить все это каким-то подкорковым сознанием, отобразив пережитое в своих произведениях. И, прежде всего, в серии черно-белых линогравюр «Баллада о русской телеге». Телега и есть символ русской дороги-жизни. Символ движения, страдания и открытий, которые, собственно, и составили композиции выставки «Я родом из детства».

него, мы понимаем, что это не просто портрет мальчика в зимней одежде, это портрет ребенка, которому холодно в той жизни, в которой он и миллионы его сверстников вынуждены были жить.

Когда-то философ Леонид Шестов назвал мир человеческого сердца целью природы. И именно это созвучие тревоги в детской душе и окружающем мире чувствуем мы в работах С.Косенкова. Он немногословен и даже порой скуп в деталях. Но каждая из них необычайно точно работает на общий образ. «22 июня» - так называется цветная литография из серии «Детство», представленная на этой выставке. В центре ее - тесно прижавшие друг к другу дети. Над ними - облако, которое вот-вот расколется страшной бедой. ... Вроде бы не сказано ничего особенного и в то же время сказано главное. Началась война. Безмятежное детство кончилось. Началась другая жизнь. И продолжение этой войны, этой беды, этой другой жизни «читаем» мы в следующих работах графика: «Проводы», «Незабываемое», «Камыши», «Окопы зарастают»... И, конечно, в иллюстрациях к поэзии замечательного воронежского поэта Алексея Прасолова.

Художника и поэта многое объединяет. Достаточно сказать, что один

родился на Белгородчине, другой - в Воронежской области. Оба в раннем детстве потеряли отцов, познали голод, холод и минуты отчаянного одиночества и тоски, что, несомненно, сформировало их человеческое и творческое мировоззрение, их особое ощущение жизни, ее зыбкости, эфемерности, непрочности счастья. Как сказал сам Прасолов:

Итак, с рождения вошло -
Мир в ощущении расколота:

От тела матери - тепло,
От рук отца - бездонный холод.

Однако ни поэзию Прасолова, ни творчество Косенкова нельзя назвать мрачными, поскольку в них всегда ощутимы духовные просторы, неподвластные земному насилию. Вот что по этому поводу известный русский литературовед и критик Лев Аннинский в письме к художнику:

«Сердечное спасибо Вам за книгу Прасолова. Вы не только проиллюстрировали его поэзию (хотя и это тоже), сколько дали свой образ, свое переживание российской реальности, с ее вечной тревогой, с готовностью к напасти «ниоткуда», с ее безотчетным ожиданием беды. Холод, простор, земля, расплосованная оврагами, шрамами, войнами, и дети этой земли - на пнях, на

столбах - как памятник ожиданию, - какая-то необъяснимая, мистическая правда, а особенно в этих столпниках посреди земли. Очень горько - и при всем том - как-то «привычно к беде»: не пропадем».

Кроме работы «Безотцовщина», которая так взволновала Л.Аннинского, в экспозицию включены и другие рисунки, навеянные прасоловской поэзией: «Пустеют гнезда и дома», «Борозда памяти...». А на фоне этого «холода, простора, земли, расплосованной оврагами», - страницы безмятежной детской радости: «Полдень. Запуск змея» или «Домой» (из цикла «Детство»). Жизнь продолжается, несмотря ни на что... Холодно - горячо, холодно - горячо... И снова холодно, если взглянуть на работы С.Косенкова из серии «Окна», созданные им по мотивам повести Е.Дубровина «В ожидании козы». Без них выставка «Я родом из детства» была бы не просто неполной, но и невыразительной. Лаконично, но как всегда емко Станислав Степанович повествует о трагедии ребенка, потерявшего родителей уже в мирное время. Вот он стоит у окна, всматриваясь вдаль: не появятся ли мать с отцом, ушедшие в город, чтобы купить козу. И только мальва под окном знает, что мальчику уже никогда не суждено ощутить тепла материнской груди и прикосновения отцовской руки. Знаем это и мы, ведь художник совсем случайно использует здесь лилово-фиолетовый цвет - цвет небытия. День сменяет утро, вечер - день. И перед нами уже не окно - ожидание, перед нами - окно утраты и памяти о том, что никогда не вернется. Мальва тянется к сердцу ребенка, словно утешая его. Детство кончилось, но жизнь продолжается. И для этого худенького, грустного, светловолосого мальчика, и для самого художника, и для зрителей, которые уже побывали или еще побывают на выставке «Я родом из детства». Для Косенкова - тема детства неисчерпаема. А потому совсем случайно включены в экспозицию и иллюстрации к роману Федора Михайловича Достоевского «Преступление и наказание», перемежающиеся с офортами из серии «Детство». Станислав Степанович как бы соглашается с великим русским писателем, что ребенок и есть мера всех вещей в этом мире. А счастье всего человечества не стоит и одной слезинки ребенка. Впрочем, тема детства в творчестве Достоевского, и Достоевский - в творчестве Косенкова - повод для отдельного разговора. Продолжение следует...

М.КОСЕНКОВА,
сотрудник музея-мастерской
С.С.Косенкова